

Святослав Логинов

Спонсор

Святослав Логинов

Спонсор

«Автор»

Логинов С. В.

Спонсор / С. В. Логинов — «Автор»,

К видному ученому Сергею Темолеву наведася бывший однокурсник. Он умоляет об одном – помочь спасти его умирающую дочь. И Сергей имеет возможность это сделать, но тогда получит огласку существование его тайной лаборатории, существующей нелегально на деньги частного спонсора... А в таком случае дальнейшее проведение запрещенных экспериментов окажется под вопросом!

© Логинов С. В.

© Автор

Святослав Логинов

Спонсор

Свято место пусто не бывает.
Народная мудрость

Почти минуту Тимолев, словно не узнавая, вглядывался в лицо посетителя. Потом произнёс:

– Здравствуйте, господин министр.

– Здравствуй, Сергей, – откликнулся министр и уселся на стул, на котором недавно маялся сдающий коллоквиум студент.

– Чем могу быть полезен? – дипломатично поинтересовался Тимолев.

– Инна заболела. Полезла куда не надо, и вот... лейкемия.

На этот раз действительно пришлось сделать усилие, чтобы понять, кто такая Инна. Лишь потом дошло – да это же его дочь! Первый ребёнок на курсе, они ещё отмечали её рождение всем общежитием. Щекастая девчонка, безвольно висящая в кенгурушке на груди у счастливого отца – такой она и запомнилась. А ведь сейчас ей сколько?.. двадцать пять... нет, двадцать семь! Чужие дети быстро растут. И порой лезут куда не следует...

– Я поспрашиваю кой-кого, – начал Тимолев, – думаю удастся организовать консультацию... – Тимолев осёкся, сообразив, вдруг, что у бывшего однокурсника связи должны быть куда покруче, чем у него самого. И следом волной ожгла догадка: неужели знает?

– Была она на консультациях, – устало сказал министр. – Все светила её освечивали, и наши, и зарубежные. Пересадку костного мозга делать надо.

– Так делайте. Операция давным-давно отработана, риск минимальнейший.

– Как делать? Вот, смотри... – министр протянул совершенно ординарнейшую с виду историю болезни.

Тимолев пролистал, вглядываясь в малоразборчивую врачебную письменность. Присвистнул.

– Н-нда... С такой группой крови и набором аллергических реакций о пересадке лучше и не думать. Предусмотрительные западные миллионеры в таких случаях заранее создавали банки собственной крови... ну, и прочего, что можно запасти.

– А я вот, оказался непредусмотрительным, – министр потёр переносицу, – да и миллион у меня не нажито.

«Говори, как же... – по инерции подумал Тимолев, затем вновь все мысли заполнила одна: – Знает?.. или просто пришёл в безумной надежде, потому что больше некуда?»

Смертельно хотелось напомнить давний разговор, сказать: «Ну, я же тебя предупредал!» – но этого было нельзя, просто потому, что сейчас перед ним не министр, а отчаявшийся отец, и умирает та самая крутощёкая Инка – дитя биолого-почвенного факультета. И ещё о том, пятилетней давности разговоре нельзя напоминать, потому что это может поставить под удар не только самого Тимолева, но и всех сотрудников подпольной, в обход законам созданной лаборатории, а в первую очередь – спонсора, который вопреки законодательному запрету продолжает финансировать его исследования.

– Тут неясно даже с какого конца подступаться, – сказал Тимолев просто, чтобы что-нибудь сказать и ненужными словами рассеять наползающую из углов могильную тишину.

– Сергей, – произнёс министр, – глядя себе в колени, – помнишь наш разговор, тот, пять лет назад, когда ты ко мне на приём прорвался? Так вот, ты был прав.

– И что с того теперь? Закон вы приняли, финансирование прекратили, лаборатория растащена, сотрудники разбрелись.

– Остался ты.

– А что я?

– Ты говорил, что не бросишь работу. Я знаю, ты можешь. Ты ведь из всех нас был самым талантливым...

«Ни хрена ты не знаешь, – мстительно подумал Тимолев. – Иначе бы ты не так разговаривал сейчас».

– Что я могу? – произнёс он вслух. – Ведь по всему миру запреты прошли. Ещё бы! – на божье величие посягнуть, будь оно неладно! Так что даже за литературой не последуешь, нет её. Если кто и работает, то тайно.

«Ох, не надо этого говорить», – кольнула мысль, но остановиться Тимолев уже не мог.

– Вы пошли на поводу у попов, так чего удивляться, что вернулись в средневековье? Вспомни, впервые в истории все – ВСЕ! – религии мира от папы римского до далай-ламы объединились в едином вопле: «Запретить!» И вы послушно запретили. Ну так теперь получайте, что хотели!

– Не было этого, – упрямо сказал министр. – Мы проводили опросы. Свыше восьмидесяти процентов высказались за запрет клонирования человека.

– Ай... – Тимолев махнул рукой, словно отгоняя досадливую муху. – Ты не хуже меня знаешь, что такое общественное мнение. Неделя грамотной рекламной кампании, и те же восемьдесят процентов будут за клонирование. Манипуляции общественным сознанием – штука посильнее, чем «Фауст» Гёте. А вы этим только и кормитесь. Просто вы сочли, что вам выгоднее не обострять отношений с церковью. А то, что люди умирают, так сколько их? – десятка два в год по всей стране... За эти пять лет едва полроты наберётся. В любом локальном конфликте за месяц гибнет больше. Просто ты тогда не думал, что это коснётся тебя лично.

Министр молчал. Невыносимо хотелось встать и уйти, останавливала мысль, что уходить некуда. И ещё одна мысль, холодная и профессиональная: слишком уж легко Тимолев сдался тогда. Сначала шумел, писал в газеты и вышестоящие инстанции и вдруг замолк. Не похоже это на упрямого однокурсника, которого он по долгу службы знал как облупленного. А это значит, что есть надежда.

– В начале шестидесятых, – говорил Тимолев, – когда на Кубе Кастро победил, у нас мода пошла на кукол-негрятят. Интернационализм у кого-то выиграл. А потом, лет через двадцать, удивлялись, что это русские девчонки на негров липнут. Вот также точно большевики семьдесят лет кряду неумно воспитывали в народе веру в бога. В результате вы теперь прогибаетесь перед церковью. Науку, как и полагается, принесли в жертву, думали, что бескровную – ан, нет.

– Хватит тебе сильные слова говорить, – поморщился министр. – Какая, к чёрту, жертва? Финансирование фундаментальных исследований уже который год растёт. А что твоё направление прикрыли, так ты не в дворники подался... завкафедрой.

– Ага. Цитологию преподаю студентам. Студент, спасибо школьной реформе, пошёл грамотный – аж жуть, – Тимолев указующе провёл ладонью над столом. Поперёк стола корячилась надпись: «Я здал зачет по французскому! Yes!» – а чуть ниже: «Ненавижу, козлы!» – Вот под этими последними словами я бы с удовольствием подписался. Приходит к нам недавно один аспирант, кандидатский экзамен сдавать по специальности. И первым делом заявляет: я, мол, православный христианин. Да плевать мне, какой он там христианин, ты покажи, какой ты специалист. А этот, православный, выдаёт: «Гипотеза Опарина о естественном происхождении жизни не выдерживает критики, поскольку коацерваты, даже если они и возникнут, будут немедленно разрушены кислородом воздуха. И он потом ещё обижался, когда я не уд ему вlepил. Это же, вроде, в школе проходят... или теперь нет?

– Не знаю, – отозвался министр. – Только ты зря злишься, в наше время дураков тоже хватало, в том числе и со степенью. Ты лучше скажи, вот если сейчас деньги появятся, оборудование, что там ещё надо... то сколько времени уйдёт, чтобы результат был? Не надо полного клонирования, только препарат костного мозга, для пересадки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.